

БОГАТОВА О. А., РУСЯЙКИНА М. А.

**ГЕНДЕРНЫЕ НОРМЫ И ПРАКТИКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА В СЕЛЬСКОЙ
МОРДОВСКОЙ СЕМЬЕ (ПО ДАННЫМ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Аннотация. На основе данных качественного социологического исследования выявляются основные социальные практики и нормы, связанные с заключением брака в сельской мордовской семье в 50-70-е гг. XX в. Рассматриваются элементы традиционной свадебной обрядности, дается оценка значимости современных и традиционных социально одобряемых норм-ожиданий относительно брачного поведения сельских женщин, оценивается влияние следования традиционным и современным нормам на удовлетворенность сельских женщин своим браком.

Ключевые слова: семья, социальные нормы, мордовская свадьба, гендерные роли, гендерный контракт.

BOGATOVA O. A, RUSYAYKINA M. A.

GENDER NORMS AND MARRIAGE

IN RURAL MORDOVIAN FAMILY: A QUALITATIVE RESEARCH

Abstract. Considering the data of a qualitative sociological research, the basic social values and norms of marriage in the rural Mordovian family of 1950-70s are revealed. The authors study the elements of traditional wedding ceremony, the modern and traditional socially approved norms of marriage behaviour of rural women, the dependence between following the traditional and modern norms and satisfaction of rural women by their married life.

Keywords: family, social norms, Mordovian wedding, gender roles, gender contract.

Предметом исследования являются институциональные нормы и практики, регулировавшие заключение брака женщинами старшего поколения (1930–1950-х гг. рождения) в период их молодости в качестве одного из этапов поколенческой динамики гендерных и семейных ролей в российском обществе на примере мордовского села на территории современной Республики Мордовия. Содержание этого периода отражает, с одной стороны, долговременную тенденцию к трансформации гендерной структуры сельской семьи от патриархальной к современной нуклеарной и более эгалитарной модели, сохранением влияния исторически сложившейся системы традиционных патриархальных норм, регулирующих семейные отношения – с другой.

Проблемы трансформации социогендерной структуры сельской и, шире, российской семьи составляют предмет исследования современных гендерных историков – Н. Л. Пушкаревой, М. А. Гадицкой, Л. В. Лебедевой, А. П.Скорик, Е. В. Стяжкиной – и

социологов – С. Г. Айвазовой, Е. А. Здравомысловой, Ю. П. Лежниной, И. Н. Тартаковской, А. А. Темкиной, Е. Р. Ярской-Смирновой и т.д. [1]. Как утверждает Л. В. Лебедева, в соответствии с консенсуальным мнением российских историков-крестьяноведов, в традиционном крестьянском домохозяйстве, составлявшем основу аграрного сектора в период до коллективизации, «сельскохозяйственное производство держалось в первую очередь на физической силе семейного коллектива, что исключало самостоятельное значение женщины» [4, с. 587]. Существенные изменения гендерных моделей поведения в XX в. связываются ими с модернизацией российского общества, принявшей радикальный характер в советский период вследствие институционализации нового законодательства о правах женщин и семейного законодательства, ликвидации неграмотности и коллективизации, трансформировавшей индивидуальное крестьянское землепользование и создавшей условия для перехода к обеспечению семьи за счет индивидуальных трудовых контрактов ее членов.

В то же время исследователи отмечают противоречивый и нелинейный характер советских гендерных трансформаций на селе, которые, с одной стороны, наделили женщин формально равным статусом с мужчинами и открыли им доступ к ранее не доступным образовательным и профессиональным социальным ресурсам, а с другой – превратили их в основную рабочую силу в сельском хозяйстве в условиях внутриотраслевой и межотраслевой (вследствие наибольшей востребованности в промышленности мужского труда) гендерной асимметрии. При этом женская социальная мобильность оказалась ограниченной как низким правовым профессиональным статусом сельского населения, так и антиабортным законодательством, отражавшим состоявшийся во второй половине 30-х гг. XX в. поворот к более консервативной модели советской семейной политики, направленной на частичное возвращение к патриархальной многодетной семье [7, с. 543–545].

Однако в послевоенный период приоритетным объектом советской семейной политики становится новая модель семьи во главе «со слабым кормильцем» – получателем государственной помощи, предполагавшая значительно большую степень гендерной свободы и власти женщины при одновременном повышении степени ее ответственности за семейное и собственное социальное благополучие. По мнению Е. В. Стяжкиной, эта модель оставалась частью советского гендерного контракта работающей женщины до конца советского периода в условиях дефицита или маргинализации мужчин как потенциальных «сильных кормильцев» [8, с. 666].

Противоречивый характер эволюции гендерного порядка современные российские социологи констатируют и применительно к постсоветскому периоду, который, по мнению Е. А. Здравомысловой и А. А. Темкиной, характеризуется широким распространением влияния гендерной идеологии патриархатного неотрадиционализма в двух вариантах –

неолиберальном, который маргинализирует женщину в качестве субъекта трудовых отношений, превращая ее профессиональную занятость в опциональный выбор, и государственнического, рассматривающего воспроизводство населения в качестве основного предназначения женщины и сферы ее преимущественной ответственности [6, с. 207].

Данные международных исследований, как отмечает С. Г. Айвазова, свидетельствуют о росте гендерного разрыва во всех социальных сферах и снижении социального статуса женщин практически на всем постсоветском пространстве, что объясняется его преобладающей тенденцией к дедемократизации и неолиберальными реформами, направленными на сокращение мер государственной социальной поддержки и оплачиваемых рабочих мест и поэтому, в первую очередь, ухудшающих положение относительно низкостатусных социальных слоев [2, с. 20–21]. Однако преобладающей моделью гендерного контракта в российском обществе все еще остается контракт работающей матери вследствие как ее укорененности в нескольких поколениях, так и экономической необходимости [6, с. 209].

Поэтому структура семейных ценностей российского общества, по данным Ю. П. Лежниной, характеризуется как дифференциацией предпочтений в отношении гендерных ролей и характеристик «идеальных» мужчин и женщин [5, с. 168], так и тенденцией к модернизации представлений о функциях семьи: так, наиболее традиционную модель «семьи как домохозяйства» во всероссийском опросе назвали в качестве предпочтительной всего 31% респондентов, в то время как остальные предпочитают индивидуалистические модели представлений об идеальных семейных отношениях «семья как зона комфорта» (32%), «любовное гнездышко» (19%) и «семья ради детей» (18%), что позволяет охарактеризовать гендерные трансформации семейных ролей в XX в. как адаптивные и необратимые в современном российском обществе [5, с. 173].

Эмпирической базой исследования послужил пилотажный социологический опрос, предпринятый М. А. Русайкиной методом глубинного интервью в декабре 2017 г. Гайд интервью включал 13 вопросов на русском и эрзя-мордовском языке (в зависимости от предпочтений респондентов). В исследовании использовалась целевая выборка, которую составили 6 сельских женщин в возрасте старше 55 лет, хотя бы однажды состоявшие в браке. Возраст респондентов составил: 55 лет, 64 года, 71 год, 75 лет, 82 года, 92 года.

Целью исследования было выявление особенностей взаимодействия традиционных (мнение ближайшего окружения, традиционные семейные нормы, обычаи) и современных (индивидуальные предпочтения при выборе брачного партнера и норма личной ответственности за его последствия) социальных регуляторов поведения женщины в процессе заключения брака на примере мордовской сельской семьи. Задачи исследования

заклучались в: 1) выявлении основных социальных практик и норм, связанных с заключением брака в сельской мордовской семье во второй половине XX в.; 2) выявлении элементов традиционной свадебной обрядности в процессе заключения брака в мордовской семье во второй половине XX в.; 3) оценке значимости современных и традиционных социально одобряемых норм-ожиданий относительно брачного поведения сельских женщин в отмеченный период; 4) оценке влияния следования традиционным и современным нормам на удовлетворенность сельских женщин браком.

В качестве гипотезы исследования выступало предположение о том, что традиционная процедура заключения брака как начала институциональной семейной карьеры женщины, описанная М. Е. Евсеевым, претерпела изменения в отличие от свадебных обрядов второй половины XX в.

Брачный возраст. Можно выделить две возрастные рамки вступления в брак, это младшая (20-22 года) и старшая (старше 25 лет). Вступление девушек в брак в возрасте 20-22 обуславливается влиянием старших поколений, социально одобряемым возрастом для вступления в брак. Мужчины же, стараясь помочь своим родителям в хозяйстве, женились, чтобы после их ухода в армию или уезда в другие города на заработки, оставить после себя помощь в виде жены. Девушки возрастной рамки старше 25 лет оставались незамужними из-за домашних обязанностей или по причине ухода за недееспособными членами семьи.

Инициатива в выборе брачного партнера. По данным опроса, в 50-е гг. XX в. инициатива в выборе брачного партнера в сельской семье все еще принадлежала будущему мужу и его родственникам, а решение о заключении брака принималось родителями невесты. Большинство опрошенных были едва знакомы или совсем не знакомы с будущим мужем до свадьбы, само сватовство часто становилось для них неожиданностью: *«Приезжаю я от родственников, смотрю, перед нашим домом народу. Я думала уже, что-нибудь случилось. А они меня ждут, а меня все нет и нет. Вот потом приехала. Я говорю им: «Не выйду замуж». Какой там, Колю привезли и Устинью – сестру мамы. Она говорит: «Как не выйдешь, что здесь делать будешь, и так вас много». Выйдет, выйдет, выйдет, а я говорю, не выйду. Миша за мной по дому бежит: почему не выйдешь, почему не выйдешь? А я говорю – не выйду, делать мне больше нечего. Сосватали меня все, из Батушева все приехали, ждали уже меня, и потом сели вино пить. Вместе, друг напротив друга пили. Сейчас же как, повстречаешься с парнем, потом уже замуж, не то, что у нас»* [№ 5, 82 года].

По словам информантов, на сватовство приходили родственники жениха: *«К нам приехали мама жениха, сестра мамы жениха и их дядя Миша»* [№ 1, ж, 55 лет]; *«Вот, приехали меня сватать, приехали меня сватать мама и папа моего жениха, тетя мамы*

жениха, жених мой и все [№ 2, 71 год]; *«Папа и мама жениха и их старая монашка»* [№ 3, 75 лет]. Нормой считалось и присутствие большого количества родственников с обеих сторон на свадьбе: *«Пришли родственники с моей стороны. Человек пятьдесят. Меня взяли в соседний дом. Волосы расплели. Белое платье с меня сняли. Сделали прямой пробор, заплели в 2 косички. Подол платья сжевал соседский теленок. Обратно привели меня в дом жениха. Мы встали у печки. Нас заставили целоваться, «горько» кричали. Задвижка печки открылась, и я испачкалась золой. Золу отмыли, обратно сели за стол. Ели, пили, плясали, «горько» кричали. Разошлись по домам»* [№ 2, 71 год].

Структура свадьбы. Для свадебных обрядов в мордовском селе второй половины XX в. характерна структура, состоящая из 4-5 частей, которая включала в себя сватовство, запой, девичник, саму свадьбу и второй день свадьбы. Здесь мы замечаем расхождения с описанием мордовской свадьбы М. Е. Евсеева [3], который предлагает выделять 7 частей, в число которых входили сватовство, подготовку к свадьбе, свадьба в доме у жениха, свадьба в доме у невесты, встреча гостей жениха, второй день свадьбы.

Респонденты отмечали, что свадьба состояла из 4-5 частей: *«Четыре части было»* [№ 1, 55 лет]; *«Пять, наверное»* [№ 2, 71 год]. И, в основном, это было сватовство, запой, девичник, свадьба и второй день свадьбы, например: *«Сватовство, запой, девичник, сама свадьба и второй день свадьбы»* [№ 3, 75 лет]; *«Сватовство, запой, девичник, свадьба, второй день»* [№ 4, 64 года]. Весь процесс подготовки и празднования свадьбы занимал около месяца. Исключение составило бракосочетание самой молодой из опрошенных женщин в 1980-е гг., которая зарегистрировала брак в день сватовства (см. ниже), однако этот случай не был типичным для своего времени. В отличие от «городской», сельская свадьба у всех респондентов по обычаю праздновалась в домах родителей жениха и невесты и не включала никаких выездов за пределы села (например, с целью посещения достопримечательностей), за исключением венчания в церкви.

Первую часть свадьбы составляло сватовство. В этой части свадьбы родители жениха спрашивают у невесты, выйдет ли она замуж за их сына, назначают дату свадьбы или дату запоя и отмечают сговор со спиртным: *«Пришли меня сватать, спросили: выйду я замуж или нет, я сказала, что выйду. Взяли бутылку самогона, вместе выпили, пели песни, разговаривали, назначили дату запоя, когда прийти на запой»* [№ 2, 71 год].

В советской семье свадьба без согласия невесты была невозможна, однако, как следует из приведенного выше фрагмента, в 1950–1960-е гг. заключение брака все еще сохраняло черты соглашения между семьями, а не женихом и невестой непосредственно, и девушка иногда соглашалась на брак под давлением родителей, родственников или знакомых. В других случаях она сама стремилась использовать представившийся ей шанс на

замужество, независимо от степени знакомства с будущим мужем, иногда спешила зарегистрировать брак до традиционной церемонии: *«Я вышла, мама жениха спросила у меня, выйду я замуж за их сына или нет. Я сказала, что выйду. Пили вино, плясали, пели песни. Наши родственники поговорили и назначили дату свадьбы. Я взяла паспорт Сергея, это мой муж, пошла в сельсовет, и мы расписались. Это была пятница, свадьба в субботу»* [№ 1, 55 лет],

Вторая часть свадьбы – это запой, который практиковался не во всех случаях, а, по желанию родителей жениха невесты. На запой приходят родственники молодых, например: *«Монашка эта, мои родственники и родственники жениха»* [№ 3, 75 лет]; *«Родственники жениха и мои родственники»* [№ 4, 64 года]. Запой бывает через две недели после сватовства. На запое сторона жениха дарит подарки невесте, все веселятся: *«Две недели спустя после сватовства, пришли на запой. Много родни пришло. Ну, жених принес вина, мои родители тоже взяли вина, закуску, накрыли на стол, сели, выпили, поели, мне подарили подарки: платки, ситцевую ткань и духи с ароматом сирени. Это были мои подарки. Ну, потом они плясали, пели песни»* [№ 2, 71 год]; *«Спустя две недели после сватовства приехали за мной. Я тоже некрасивой была. ...Ну, пришли на запой, нет, ну да, на запой, пришла и монашка, потом я уже ей понравилась, сыграли пышную свадьбу. На запое пели, плясали. Через две недели потом уже крестный и крестная жениха за мной приехали»* [№ 3, 75 лет]; *«Все плясали, пили, пели, ели и все закончилось»* [№ 4, 64 года].

Третья часть свадьбы – девичник, который проходит в ночь перед свадьбой. На девичнике обычно бывают родственники девушки, ее подруги и их родители: *«Мои подруги и их родители»* [№ 4, 64 года]; *«друзья и родственники»* [№ 5, 82 года]. В этой части свадьбы девушки веселятся, невеста дарит своим подружкам кольца, после этого подруги невесты идут к жениху относить свое приданое – постельное белье: *«Мы с подружками собрались, они принесли конфеты, луковицы. Начали кидать их, а мои подружки ловили, кому что попадется. Потом они ушли к жениху за квасом, и постельное белье относить. Там плясали, пели песни, пришли домой поздно ночью»* [№ 1, 55 лет]; *«Перед свадьбой был девичник. На голове у меня был венок из живых цветов. Ели кашу, пришли все подружки и родственники. Некоторые принесли пряники, некоторые конфеты, некоторые луковицы, и даже кости. Кидали на стол, а мои подруги ловили, кому что попадется. Ну, прошел девичник. Поели кашу. Разошлись по домам»* [№ 3, 75 лет]; *«Свадьба была в субботу, а в пятницу вечером все подружки приходили кушать кашу. Говорят только, что кашу есть, а на самом деле и конфеты, пряники, печенье несут за стол. Наши родители приносили кашу, и как-то весело было. Все молодые девушки сначала кидали конфеты, потом ловили их, а потом разошлись по домам. Было весело, у нас все дома было, не то, что сейчас, в*

ресторанах» [№ 4, 64 года]; «Ели кашу там, кольца раздавала свои подружкам, а кольца какие были, золотые, в ручную делали их, а сейчас все покупают» [№ 5, 82 года].

Следующая часть – это собственно свадьба, которая в мордовском селе во второй половине XX в. включала, наряду с обязательной государственной регистрацией брака, элементы этнических традиционных обрядов и церковной православной обрядности, несмотря на официальную антирелигиозную политику советской власти: *«Пришли родственники невесты, три раза садились за стол. Петуха воровали у невесты, когда крестный и крестная жениха придут за невестой, кто, что умел, то и воровал, кто вино. Поварихи наряжали ухват и считали, ударяя по лбу, сколько пришло гостей или духами брызгали. А за духи тоже деньги брали. Еще когда за мной приехали, посадили меня на подушку. Не знаю, почему так сделали, потом за подушку опять драки устраивать, чтобы не украли ее. Если жених куда-нибудь выйдет, на его место садился крестный, иначе его место могли занять другие, потом опять просили бы деньги. Когда за невестой приезжают, тоже выкуп просят, а дверь закрывают. Вот потом благословили меня, уехали расписываться в сельсовет, потом в церковь венчаться. Венчались в этот же день, когда к жениху ехали, часа в два, после обеда. Потом к жениху поехали, там благословили нас, сели. Подарки нам дарили, целоваться заставляли» [№ 4, 64 года];*

«После заоя, через две недели, была наша свадьба. А до свадьбы венчались в церкви. Расписались в сельсовете. Через две недели приехали за мной. На лошади, запряженной саними. Вел сани крестный жениха. Ну, сюда приехали, родители мои встретили их, опять выпили, поели, потанцевали, песни пели, поймали петуха. Мама моя взяла иконку и благословила нас. Эту иконку отдали с нами. Посадили нас в сани. На ногах у мен были большие валенки, новые, большие валенки, на голове белая пуховая шаль, сверху пальто. Ехали-ехали, доехали до кладбища, рядом с которым шла дорога, лошадь споткнулась, и мы укатились под дорогу. И жених, и крестный жениха, все в одну кучу. Подняли нас, мы поехали к жениху. Встретила нас его мама с хлебом-солью, и с иконкой. Зашли к ним, они накрыли на стол, мы расселись, мне в руки дали мальчика» [№ 2, 71 год].

На свадьбу обычно приглашались соседи, друзья жениха и невесты, родственники с обеих сторон: *«Соседи, мои друзья, друзья жениха, моя семья» [№ 1, 55 лет]; «Крестная и крестный жениха, наши родственники, соседи, друзья» [№ 2, 71 год].*

На второй день свадьбы, который включал гулянье с элементами карнавальная обрядности (ряжение) и традиционным апотропеическим обходом села, также приглашались родственники жениха и невесты, соседи: *«Наши с женихом родственники, соседи» [№ 2, 71 год]; «Собрались с родственниками жениха и пошли ко мне домой. Там плясали, пели, веселились и разошлись» [№ 1, 55 лет], «На второй день утром наши родственники опять*

собрались и решили пройтись вокруг села, все нарядились, кто во что. Кто в жениха, кто в лешего, кто в Бабу-Ягу. Целый круг прошли вокруг села. Пришли домой. Переоделись. И поехали к моим родителям отмечать, там нас уже ждали. Опять накрыли на стол. Родственники жениха пришли. Опять угостили всех, напоили-накормили и пошли домой. И началась простая жизнь» [№ 3, 75 лет].

Начало совместной жизни и адаптация к новым семейным ролям у респондентов либо начинается после завершения свадебных торжеств, либо приходится непосредственно на второй день свадьбы. Опрошенные женщины описывают его как начало трудовых будней, период включения в коллективную работу в новой семье и проверки их трудовых умений родственниками мужа, на которых они стремились произвести наилучшее впечатление: *«Рано утром встали, дома холодно. Мама жениха начала топить печку. Сосед закрыл трубу. Дом наполнился дымом. Я замерзла, начала мыть посуду, порезала палец. Мама мужа начала жарить котлеты в печке, облилась маслом, обожгла руку. В сарае была корова, были овцы, были телята. Я вышла доить корову. А крестная наша смотрела, умею или нет доить корову. Ну, подоила корову, занесла ведро молока домой, процедила. Собрались родственники, поехали обратно к моим родителям. Там опять накрыли на стол – угостили нас. Танцевали, пели, и закончилась наша хорошая жизнь» [№ 2, 71 год].*

Таким образом, респонденты, как и члены семьи мужа, воспринимают свой брак как часть семейного «трудового контракта» в расширенной семье, куда они поступали в качестве невестки в подчинение родителей своего супруга. Несмотря на соответствие семейной жизни их ожиданиям в этом аспекте, большинство из них говорили о своей неудовлетворенности собственно отношениями с мужем, оценивали свой брак как несчастливый и говорили, что вынуждены были его сохранять ради детей и из-за невозможности достичь экономической независимости, не получив профессионального образования и хорошо оплачиваемой работы.

Следовательно, в период заключения первого брака респондентами (50-70-е гг. XX в.), несмотря на распространение на территории Мордовии советского гендерного контракта «работающей женщины-матери», поведение женщин (включая как девушек, вступавших в первый брак, так и их матерей и других старших родственников) в мордовском селе во многих случаях все еще регулировалось традиционной гендерной идеологией, рассматривавшей роль «замужней женщины-домохозяйки» в качестве семейной институциональной карьеры, приоритетной по сравнению с образовательной и профессиональной карьерой. Однако молодое поколение женщин уже не рассматривало эту роль в качестве безальтернативной, следствием чего было ощущение собственной недооцененности и сожаление о поспешно заключенном браке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 768 с.
2. Айвазова С. Г. Трансформация гендерного порядка в странах СНГ: институциональные факторы и эффекты массовой политики // Женщина в российском обществе. – 2014. – № 4. – С. 11–23.
3. Евсеев М. Е. Мордовская свадьба: [Свадебные обряды и причитания]. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. – 383 с.
4. Лебедева Л. В. «Теперь мы равноправные граждане, теперь мы, бабы, такие же люди...» // Российская повседневность в зеркале тендерных отношений: Сборник статей / отв. ред. и сост. Н. Л. Пушкарева. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 583–604.
5. Лежнина Ю. П. Трансформация гендерных ролей в современной России // Общественные науки и современность. – 2013. – № 4. – С. 165–176.
6. Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллективная монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. – 306 с.
7. Скорик А. П., Гадицкая М. А. Новые гендерные роли и повседневность женщин в колхозной деревне 1930-х гг. (на материалах Дона, Кубани, Ставрополья) // Российская повседневность в зеркале тендерных отношений: Сборник статей / отв. ред. и сост. Н. Л. Пушкарева. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 538–582.
8. Стяжкина Е.В. Женская и мужская повседневность в условиях смены гендерных контрактов второй половины XX в. // Российская повседневность в зеркале тендерных отношений: Сборник статей / отв. ред. и сост. Н. Л. Пушкарева. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 650–700.